Научная статья
УДК 396:070(47)«195/196»
DOI 10.37724/RSU.2021.72.3.005

Образ советской женщины в материалах прессы 1950–1960-х годов и в женской социальной памяти (региональный аспект) ¹

Ирина Владимировна Богдашина

Институт этнологии и антропологии имени Н. Н. Миклухо-Маклая
Российской академии наук, Москва, Россия
ira18bogdashina@mail.ru

Аннотация. В статье раскрываются репрезентативные формы образа советской женщины на материалах нестоличного города. Возможность привлечения сведений радиопередач и эго-документов как малоизученных форм женской репрезентации позволяет автору выявить и сравнить идеализированный и реально существующий образ советской женщины 1950–1960-х годов. Средства массовой информации формировали идеологически одобренный женский портрет, являясь транслятором допустимых и запрещенных норм, которые жительницы города старались соблюдать. Превалирующий образ «женщины-работницы», активно вовлеченной в семейную и общественную жизнь, был недостижим для «обычных» советских женщин. Несмотря на это, многие из них стремились занять лидирующие позиции хотя бы в одной из сфер. Несовпадение идеализированного и реально существующего женских образов влекло за собой критику со стороны власти и общественности. Опасение быть осужденной и желание обличать накладывали на женщин определенные каноны поведения, которые исподволь внедрялись массовой культурой.

Ключевые слова: образ женщины, период «оттепели», женские журналы, радиопередачи, женская память.

Для цитирования: Богдашина И. В. Образ советской женщины в материалах прессы 1950–1960-х годов и в женской социальной памяти (региональный аспект) // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2021. № 3 (72). С. 59–68. DOI: [10.37724/RSU.2021.72.3.005](https://doi.org/10.37724/RSU.2021.72.3.005).

Original article

The Image of a Soviet Woman as Depicted by Mass Media in the 1950s–1960s and Engraved in Social Memory (regional aspects) ²

Irina V. Bogdashina

Institute of Ethnology and Anthropology named for N. N. Miklouho-Maclay
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ira18bogdashina@mail.ru

Abstract. The article investigates the image of a Soviet woman as portrayed by provincial mass media. The article analyzes such underrated sources of reliable information as egodocuments and radio performances, which enables the author to compare the idealized image of a Soviet woman and the real image of a Soviet woman of the 1950s–1960s. Mass media created an ideologically “proper” image of a female worker who was actively involved in family and social life. Despite the fact that many “ordinary” Soviet women did their best to fully realize their potential in at least one sphere of life, they had no means to conform to the ideal image broadcast by the media. Due to the discrepancy between the ideal and realistic images, Soviet women often fell victim to social and political criticism.

¹ Статья подготовлена по плану НИР ИЭА РАН и проекту РФФИ № 19-09-00191 «Женская социальная память как консолидирующий потенциал многопоколенной семьи, укрепления государственности и российской нации (18–21 век)».

² The article is written within the framework of the research plan developed by the Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences and is financially supported by the Russian Foundation for Basic Research. Project no. 19-09-00191 “The Consolidating Potential of Female Social Memory and its Significance for Extended Families, Nationhood and the Russian Nation (the 18th–21st Centuries)”.

Gnawed by the fear of censure and the desire to condemn others, women were forced to acquire certain behavior patterns dictated by mass culture.

Keywords: image of a woman, the Khrushchev thaw, female magazines, radio performances, female memory.

For citation: Bogdashina I. V. The Image of a Soviet Woman as Depicted by Mass Media in the 1950s–1960s and Engraved in Social Memory (regional aspects). *The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin*. 2021; 3 (72):59–68. (In Russ.). DOI: 10.37724/RSU.2021.72.3.005.

Внимание к проблемам антропологии гендера и истории женской повседневности — характерная черта последних десятилетий. Об этом свидетельствуют антропологический поворот в сторону этих областей научного знания, а также возрастающее количество научных трудов, посвященных вопросам женской истории [Пушкарева, 2014, с. 137–139].

Первые работы, освещающие гендерные стереотипы в средствах массовой информации как наиболее значимые в формировании репрезентации женского образа, появляются в 2000-е годы. Большинство научных трудов характеризует специфику образа советской женщины на страницах женских изданий, что объясняется возможностью выделить разносторонние черты в многообразии представленных в данном источнике репрезентативных форм [Березина, 2019, с. 52–61 ; Днепровская, 2011, с. 91–98 ; Захаров, 2004 ; Смеюха, 2012, с. 55–67 ; Юрьева, 2015, с. 45–55]. Исследователи не обошли стороной и женский образ в кинематографе, который массово начинает входить в повседневную жизнь горожан лишь с повсеместным открытием студий телевидения во второй половине 1950-х годов [Дашкова, 2003, с. 59–67 ; Мищенко, 2012, с. 132–136 ; Хлызова, 2013, с. 70–97]. Однако вышеупомянутые работы, основанные на массовом материале, носят обобщающий характер и не позволяют выявить локальную специфику и особенности.

Не менее актуальной задачей представляется возможность проанализировать женский образ на источниковом материале Волгограда (Сталинграда) — одного из крупных, но нестоличных городов страны. В 1950–1960-е годы этот регион Нижнего Поволжья с богатой историей стремительно развивался и восстанавливался после разрушительной войны. Материалы региональных радиопередач, которые, в отличие от телевидения, на протяжении всего периода занимали важное место в досуговой культуре, фактически не исследованы учеными с позиций рассмотрения их как массового источника по выявлению гендерных установок. Кроме того, данные эго-документов (дневники и устная история) также представляют богатые по содержанию сведения о характере женского самоопределения. Цель работы — воссоздать образ советской женщины в рамках нестоличного города в 1950–1960-е годы, а также выявить собирательные черты женских портретов, диктуемых властью и обществом.

Период 1950–1960-х годов является особым временем в истории советской женской повседневности, отмеченный «частичным восстановлением значимости частной жизни» и либерализацией государственной политики, что повлекло за собой трансформацию и образа советской женщины [Пушкарева, 2012, с. 8–23]. На наш взгляд, именно радиопередачи, наряду с периодической печатью, являлись не только важнейшими источниками информации, но и формой репрезентации типичных гендерных черт. Исподволь вписываясь в структуру повседневных практик людей, они были призваны создать новый облик «советского человека». С одной стороны, данные формы отражали повседневность, а с другой, диктовали модель поведения, традиции и запреты. Формируя гендерный порядок, государство пыталось регулировать практически все сферы повседневной жизни, а ставший показательным образ «матери-работницы» присутствовал во всех формах репрезентации.

Женская периодическая печать являлась одним из самых доступных источников информации для женщин как из столичных городов, так и из остальных регионов. Триада женских журналов, сложившаяся к 1950-м годам в составе таких изданий, как «Работница», «Крестьянка» и «Советская женщина», была адресована широкому кругу читательниц и несла в себе важнейшие идейно-пропагандистские мысли. Период «оттепели» внес свои изменения как в информационную, так и в визуальную составляющие журналов. Средства массовой информации диктовали и регулировали сознание и поведение аудитории, создавая новый моральный облик современной женщины. В этой связи ценным является и взгляд самих современниц изучаемого периода, запечатленный в эго-документах, которые позволяют выявить реально существующий общественный порядок. Собранные автором в ходе полевой работы материалы устной истории, запечатленной в памяти жительниц региона, предоставляют важные сведения о повседневной жизни города в 1950–

1960-е годы. Дневник-хроника хирурга З. С. Седельниковой является ценнейшим репрезентативным источником среди прочих эго-документов, написанных женщинами и доступных исследователям в региональных архивах.

Центральное место в средствах массовой информации занимает идеологический образ, главной составляющей которого выступала трудовая деятельность. Вовлечение в коллективный труд, по мнению руководства страны, давало женщинам не только возможность уравнивать права с мужчинами, но и снять с себя тяготы домашних дел. Мужественные фигуры героев социалистического труда эпохи 1940-х годов — женщин-военных и тружениц тыла (зенитчица, снайперша, летчица, трактористка), способных выполнять мужские роли, в 1950-е годы начинают сменяться женственными портретами [Крестьянка, 1943, № 1, с. 11 ; № 2, с. 19 ; № 9, с. 16 ; 1945, № 2–3, с. 21 ; 1946, № 4, с. 9 ; 1948, № 2, с. 3 ; 1949, № 12, с. 3]. На наш взгляд, образы, запечатленные на фотографиях (отражающие идеализированный портрет реально существующих личностей), а также

в карикатурах (представляющие, как правило, собирательный образ отрицательной направленности), являются наиболее значимыми формами репрезентации в упомянутых периодических женских изданиях.

Журналы были рассчитаны на массовую аудиторию, однако каждый из них был адресован определенной группе читательниц. Среди изданий особенно выделяется журнал «Советская женщина» (его читательницами являлись и зарубежные представительницы): он отражал передовые мысли, предъявляя высокие требования и современные взгляды на место и роль женщины в обществе. Фотографии как источник репрезентации изображали женщин образованных и целеустремленных, серьезных и сосредоточенных, готовых выполнять работу высокой интеллектуальной сложности. Крупноформатные изображения на обложках и вкладках журнала были призваны показать облик современной женщины, занятой в различных сферах производства и выполняющей множественные социальные роли. Обладая, в отличие от текста, простотой формы и небольшим объемом, изобразительные материалы заняли прочное место среди репрезентативных форм журнальной периодики.

Изображенные на обложках женщины должны были стать показательным примером для читательниц журналов. Неоднократно фигурировали представительницы, занятые интеллектуальной деятельностью: учительница, директор научно-исследовательского института, юрисконсульт, инженер, профессор института, врач, архитектор [Советская женщина, 1952, № 5 ; 1956, № 3 ; 1961, № 3, 10 ; 1962, № 8 ; 1964, № 2]. Идя в ногу со временем, женщины должны были уметь выполнять одновременно нескольких социальных ролей: ученица-мать, работница-мать, спортсменка-мать, ученица-работница, ученица-спортсменка, работница-активистка [Там же, 1951 № 1, 2 ; 1956, № 10 ; 1961, № 4 ; 1962, № 4, 5].

Журнал «Работница» являлся самым тиражируемым, а значит и распространенным среди населения, выступая «золотой серединой» в кругу специализированных женских изданий. Ориентированный на работниц различных сфер, он отражал настроения подавляющей части советских женщин. На фотографиях можно было встретить работниц тех или иных специальностей и профессий. Большинство из них — заводские труженицы: шлифовщица, комплектовщица, фрезеровщица, автоматчица, обмотчица, бетонщица, ткачиха, прядильщица, радиомонтажница [Работница, 1955, № 1, 4, 5, 7 ; 1958, № 2 ; 1959, № 4 ; 1960, № 1, 3 ; 1964, № 10], реже встречаются деятельницы образования, здравоохранения и культуры: воспитательница, научный сотрудник, медсестра, артистка [Там же, 1955, № 8 ; 1963, № 3 ; 1967, № 7]. Многим героиням предписывались качества: «лучшая», «одна из лучших», «успешная», «передовая», «знатная», «впередиидущая» и «впередсмотрящая»; таким образом, по мысли авторов журналов, выразительные эпитеты должны были мотивировать женщин совершать новые трудовые подвиги и стремиться к идеалу [Там же, 1954, № 10 ; 1955, № 1, 5 ; 1958, № 11 ; 1959, № 4 ; 1960, № 3 ; 1965, № 1].

Говоря о журнале «Крестьянка», необходимо отметить, что он был ориентирован на женщин из сельской местности, хотя горожанки также являлись его читательницами [Полевые ... , Н. П. ; Н. В. ; Т. М. ; Л. Д. ; Г. П.]. Сравнительным отличием от двух других изданий являлось то, что информация в нем представлена в более упрощенной и доступной форме, различается и визуальный ряд. На обложках изображены в основном женщины, занятые в сельскохозяйственной отрасли: доярки, птичницы, свиноводы, трактористки, агрономы [Крестьянка, 1954, № 11 ; 1959, № 4, 7 ; 1960, № 2 ; 1965, № 10], но мелькают и почтальоны, библиотекари, председатели колхозов и бригадиры [Там же, 1954, № 6, 10 ; 1964, № 12 ; 1965, № 3].

Женские издания, выпускаемые в столичных регионах и рассчитанные на жителей всей страны, показывали лишь общие черты собирательного женского образа. Не менее информативным источником выступали региональные радиопередачи. Если Волгоградская студия телевидения

«вступила в строй» лишь в январе 1958 года, то именно радиовещание на протяжении 1950–1960-х годов продолжало оставаться основным источником информации для горожан [Глейзер, 1965, с. 135]. Материалы радиопередач представляют собой разносторонний источник, позволяющий в подробностях узнать не только о важнейших событиях в регионе, но и выявить собирательные образы его жительниц. Наиболее информативно передают женский портрет такие программы новостной редакции, как «Передачи для молодежи», «С микрофоном по городу» и «За коммунистический труд и быт».

Как и в периодических изданиях, главными героинями радиопередач становились «женщины-работницы» — целеустремленные и решительные, они были готовы выполнять заводские сверхнормы и добровольно уезжать на строительство объектов. Привлечение к микрофону жительниц региона показывает вписанность героев в контекст повседневности. Так, особое внимание заслужила Н. К., которая «на строительство сталинградской гидроэлектростанции приехала из Ленинграда вместе с другими добровольцами», заслужив репутацию отличного мастера и инженера [ГАВО. Ф. Р-6174. Д. 297. Л. 2, 7]. В пример ставили и спортсменку Л., которая, имея волевой характер, «вышла замуж, родила ребенка, но спорт не забросила». Зимой она ходила на лыжах, а летом плавала, что позволило ей завоевать второе место в республиканских соревнованиях по плаванию. «Спортивная закалка помогает ей хорошо трудиться»: выполнять полевые работы летом и осенью, а вечерами заниматься с книгами [Там же. Л. 46]. Превалирующего образа женщины спортсменки, работницы и матери, «успевающей все», было недостаточно. По названию одноименной передачи для молодежи к «людям сильной воли» отнесли и В. К., которая, чтобы «догнать» мужа-инженера, получила диплом с отличием о высшем образовании, в чем ей помогли «знания, полученные в школе, и выработанная усидчивость» [Там же. Л. 104–105].

Безусловно, женщина с высшим образованием получала общественную похвалу, но только в том случае, если образование не мешало ее главной задаче — трудиться на благо государства. Мудро рассуждала Л., которая после получения профессии и устройства на работу собиралась «обязательно продолжить учебу в институте, конечно, в заочном» [ГАВО. Ф. Р-6174. Д. 297. Л. 169]. Ю. Ф. была одной из многих девушек, совмещавших работу с получением профессии, отодвигая на второе место заботу о здоровье и духовные потребности: «Конечно, нелегко восемь часов отработать в цехе, а потом идти на занятия. Иногда не выспишься или погулять хочется, но с этим не приходится считаться» [Там же. Д. 307. Л. 57]. Делом привычки и самодисциплины считалось совмещение непростых, но все-таки исполнимых ролей. О своих успехах рассказала Л. в одной из студенческих передач: «Да, мне нелегко, но я уже привыкла, потому что я с первого курса работаю и все время занимаюсь в художественной самодеятельности» [Там же. Д. 335. Л. 71].

В условиях войны, да и в послевоенное время, женщины были вынуждены осваивать мужские профессии. Например, герою социалистического труда А. И. был посвящен целый сюжет. Несмотря на отсутствие необходимости, она продолжала успешно выполнять «тяжелую работу кузнеца, особенно для женщины, имеющей трех детей». При этом подчеркивалось, что остальные женщины, ранее работавшие по профессии, перешли на более легкий труд, на что наша героиня «ответила категорическим отказом», а выполнение нормы на 127–130 % стало для нее обыденностью [ГАВО. Ф. Р-6174. Д. 342. Л. 77]. Но проделывание «мужской» работы не снимало с труженицы вменяемых ей «женских» домашних обязанностей; заботы о детях и приготовление пищи оставались ее прямым долгом [Там же. Л. 78].

Девушка, которая стремилась не только усердно работать, но и получить образование, являлась вполне реальным персонажем. Женщины признавались в трудностях, но, следуя указанному примеру, не сдавали позиций. Именно такой образ женщины-труженицы, совмещающей роль ученицы-работницы, жены-работницы, матери-работницы, к тому же активно вовлеченной в общественную жизнь, являлся социально одобренным. В пример ставились девушки «до работы жадные», которых «не устраивала легкая жизнь», выполняющие заводские нормы, безвозмездно и с охотой исполняющие общественную нагрузку [ГАВО. Ф. Р-6174. Д. 416. Л. 66 ; Д. 297. Л. 146–147, 258–259 ; Д. 298. Л. 5]. Девочек с детства приучали к трудовой деятельности. Сами женщины вспоминают, что разделение домашних забот вместе с матерью являлось их прямой обязанностью: «К труду нас рано начали приучать, убирались с сестрой. Я протирала пыль, подметала, посуду и обувь мыла»; «Я очень рано начала готовить, мне очень нравилось. В классе пятом я уже могла суп сварить, картошку пожарить, на рынок меня посылали»; «Я дома мыла посуду, причем братья тоже помогали, полы мыла с четвертого класса» [Полевые ... , С. В. ; А. И. ; Т. А.].

Начиная с 1950-х годов концепция журналов начинает меняться, ведь женщина являлась не только работницей, но и хранительницей домашнего очага. Прочное место занял образ женщины-матери, об этой обязанности женщинам-работницам постоянно напоминалось; воспитательницы

детских садов, учительницы, сотрудницы институтов и даже удостоенные звания «Герой Советского Союза» — все они должны были познать «счастье материнства» [Советская женщина, 1952, № 3 ; 1957, № 8, 9 ; 1961, № 6, с. 27]. Занятые не только трудовой деятельностью и семейными заботами, эти женщины должны были находить время для творчества и занятий спортом [Там же, 1957, № 5 ; 1961, № 2]. Не были лишены досуга и колхозные женщины: на обложках журналов они заняты вышиванием, лыжными прогулками, предстают и участницами художественной самодеятельности [Крестьянка, 1954, № 12 ; 1959, № 1, 3 ; 1964, № 2 ; 1965, № 1 ; 1966, № 1, 3]. Женщины покорно выполняли вверенные им материнские обязанности — прогулка с детьми, помощь школьникам в выполнении домашнего задания [Там же, 1953, № 9, 12 ; 1954, № 3, 12 ; 1958, № 3 ; 1966, № 6]. При этом относительно редко фигурировали особы, желающие получить высшее образование или занятые чтением, что свидетельствует о четкой идеологической направленности издания [Там же, 1958, № 12 ; 1965, № 9, 10 ; 1969, № 4].

Разносторонние женские образы были представлены в журнале «Работница». Изображенные на фотографиях женщины, были заняты типичными для них повседневными делами: покупка продуктов питания, наведение домашнего порядка, выбор плательных тканей и воспитание детей [Работница, 1953, № 11 ; 1954, № 9 ; 1955, № 7 ; 1963, № 9 ; 1964, № 7 ; 1965, № 3 ; 1967, № 1]. Журнал отличается вписанностью сюжетов в обыденную жизнь советских женщин с их идеалами и стремлениями, проблемами и потребностями. В героинях журнала каждая советская женщина могла увидеть саму себя — стремящуюся быть не только успешной работницей, выполняя сверхнормы, но и спешащей после работы поскорее забрать ребенка из детского сада и успеть приготовить вкусный ужин. При наличии нескончаемых домашних дел нужно было не забывать и про собственные потребности: приобрести новое платье, отдохнуть на лыжной прогулке или отправиться в туристический поход. Это и были основные задачи, которые ставились перед современной женщиной [Там же, 1953, № 2 ; 1955, № 2 ; 1958, № 7 ; 1959, № 6].

Женская память предоставляет не менее интересный материал: большинство опрошенных нами женщин заявили, что занимали в семье главенствующую роль. Вопреки установленным нормам, руководящая позиция в семье явилась результатом семейных установок, передававшихся с воспитанием от женщин более старшего поколения: «Мама занимала главное место в семье. Муж мой, конечно, хотел взять верх, но по хозяйству я была главная»; «Главой семьи всегда была мама. И мне кажется, что семья наша распалась из-за того, что мама и папа были разными»; «Мама всем заведовала, что скажет, то и будет... она всегда предводителем была, всегда» [Полевые ... , И. В. ; Г. Ю. ; Л. М.]. Во многих семьях гендерные роли разделялись поровну, женщины не чувствовали ущемления своих интересов, имея равный вес в устройении семейных дел: «Я не могу сказать, кто в нашей семье пальму первенства держал, отношения были демократичными»; «Чувствовала себя свободной, сама решала, но с мужем советовалась»; «Решения все принимали на семейном совете, решали сообща» [Там же, Т. А. ; Л. В., 1943 г. р. ; Л. В., 1956 г. р.]. Однако и патриархальный семейный уклад сохранялся: «Главой семьи был папа, но он с мамой считался, она была идеологом в семье»; «Папа, конечно, у нас был главой семьи, мама была ему преданна, как не знаю кто» [Там же, Н. П. ; Л. Д.].

Стоит отметить, что «обычные» советские женщины, которыми и являются наши респондентки, идентифицировали свою свободу с возможностью занимать лидирующие позиции именно в семье. Данная роль определялась и тем обстоятельством, что они оставались хозяйками домашнего очага, выполняя традиционно «женские» функции. Совмещая идеализированные роли жены, матери и работницы, женщинам, в отличие от мужчин, зачастую не удавалось построить карьеру. В этой связи быть услышанной хотя бы в рамках собственной семьи, возложив на себя не только домашние обязанности, но и материальное обеспечение, оставалось для женщин единственным способом самореализации.

Если на фотографиях изображались реально существующие женщины — читательницы журналов, то в сатире был воплощен собирательный комический образ. В тех или иных номерах журналов — это иллюстрации с краткими пояснительными высказываниями и стихотворными рассказами. Представленные в различных формах, но имеющие общий подтекст, они преследовали главным образом нравоучительные цели, изображая женщин ленивых, самовлюбленных и неграмотных.

В журнале «Советская женщина» в рубриках «Иностранный юмор» и «Юмор» через изощренные и сатирические портреты высмеивались «модницы», изрядно увлекающиеся косметическими средствами и, ко всему прочему, не имеющие образования [Советская женщина, 1956, № 1, с. 47 ; № 12, с. 47 ; 1957, № 4, с. 37 ; 1958, № 10, с. 47 ; № 12, с. 45 ; 1959, № 4, с. 48]. С

иронией представляли женщин, разделяющих свои «женские» обязанности с мужчинами или же выполняющих «мужские» роли [Там же, 1957, № 4, с. 37 ; 1962, № 2, с. 27]. Сатирические портреты в данном журнале отражали черты не столько отрицательные, сколько новаторские, связанные с неизбежно изменяющимся обликом современной женщины и сменой гендерных ролей. В журнале «Крестьянка» в соответствующих рубриках критический образ получили женщины суеверные и ленивые [Крестьянка, 1954, № 9 ; 1957, № 7 ; 1958, № 7 ; 1964, № 1 ; 1966, № 9, с. 27]. Негативные персонажи несли в себе существующую действительность, которую собирательные образы были призваны подчеркнуть. В журнале «Работница», по сравнению с остальными женскими изданиями, карикатурам отведена наименьшая роль. Как и в «Советской женщине», внимание в основном приковано к женщинам, которые проявляли излишний интерес к внешнему виду, косметическим средствам и модным нарядам [Работница, 1957, № 6, с. 28–29 ; 1958, № 11, с. 29 ; 1961, № 3, с. 31 ; 1965, № 1, с. 32 ; 1967, № 6, с. 32].

Морально-нравственный и внешний облик, представленный в средствах массовой информации, в повседневной жизни должен был неукоснительно соблюдаться женщинами. Нормы дозволенного поведения были призваны регулировать общественные институты: «В школе, когда мы учились, нам запрещалось краситься, но мы и не красились»; «Когда я поступила на первый курс в институт и нарядилась, меня поругала учительница, и я до окончания института не красилась» [Полевые ... , Л. Д. ; Т. М.]. Так называемые «модницы» не только привлекали внимание, но и получали неодобрение со стороны общественности: «В 6-м часу пришла Зина в приметном светлом платье-костюмчике, пышно причесана, связка белых бус»; «Была мода на мини-юбки, но я не носила, мне стыдно было. О тех, кто носил, плохо отзывались» [ГАВО. Ф. Р-6880. Д. 29. Л. 30 ; Полевые ... , Л. В., 1936 г. р.]. Излишнее внимание к своей персоне поставило в неловкое положение и 42-летнюю Зинаиду Седельникову, данную ситуацию она описала в дневниковых записях 1962 года: «В шутку в клинике покрасила губы коралловой помадой по настоянию Анны Ивановны... и тут же все товарищи ахнули. Зиночка похорошела! А я тут же сняла помаду. Не привыкла, так лучше» [ГАВО. Ф. Р-6880. Д. 27. Л. 77]. Интерес к внешнему виду со стороны общественности являлся все еще непривычным для женщин, а желание проявить индивидуальность сталкивалось с общепринятыми нормами и запретами.

Образ отрицательной направленности, пропагандируемый в печати, дополняли радиопередачи. «Свернувшие с пути» осуждались государством, выполняя и свою роль — они показывали отрицательный пример для всех остальных. Так осуждали некую Р. П., которая «даже в милицию не раз попадала за хулиганство, но не бросила развлекаться таким способом» [ГАВО. Ф. Р-6174. Д. 298. Л. 204]. В свои 20–23 года каждой уважающей себя девушке предписывалось не только учиться и работать, но и уметь «кататься на коньках, играть в волейбол, шить платья, разбираться в музыке...» [Там же. Л. 206]. Однако девушки с чрезмерно высокими запросами становились объектом критики. Например, москвичка Н. Х., не выдержав условий жизни в Волгограде, подала на развод и уехала обратно в Москву, ведь «ей нужны были удобная квартира, деньги, роскошь...» [Там же. Д. 335. Л. 200]. С неприязнью отзывались о Л., «самой обыкновенной девчонке, каких тысячи живут в нашем городе»: оставив в одиночестве мать с младшим братом, она уехала в Москву «навстречу новому, неизведанному миру», который ей «предстояло еще понять и одолеть» [Там же. Д. 495. Л. 236]. А вот школьница О. М., которая «просто белоручка», то и дело пропускала воскресники и экскурсии [Там же. Д. 336. Л. 103].

Женщины, демонстрирующие отрицательные примеры, заслуживали внимания общественности постольку, поскольку выступали регулятором запретов, ведь своим «недозволенным» поведением они определяли грань установленных норм. Не только осуждение, но и открытая огласка имен тех женщин, которые становились объектом внимания (наряду с положительными героинями), свидетельствуют о существовании жестких идеологических установок, которые предписывалось строго соблюдать.

Лишь в первой половине 1960-х годов в рубрике передач для молодежи появляются сюжеты, посвященные любовной тематике. Данная проблематика была вызвана интересом со стороны самих слушателей, о чем заявили ведущие в передаче «Поговорим о любви», вышедшей в эфир 25 мая 1963 года. В радиостудию поступало «писем о любви очень много», но только некоторые из них были приняты во внимание и представлены нравоучительным образом. Основной задачей выступало осуждение безнравственных поступков, совершенных молодыми девушками, что служило уроком для всех остальных [ГАВО. Ф. Р-6174. Д. 451. Л. 287]. Должным образом рассуждала С., считая, что «девушкам, именно девушкам, нужно быть как можно скромнее. Но приходится встречаться и с легкомысленными» [Там же. Л. 291]. Примером легкомысленности предстала некая Н., которая, сожительствуя без регистрации брака с юношей, «оказалась в

положении» [ГАВО. Ф. Р-6174. Д. 451. Л. 288]. Молодые девушки, афиширующие отношения с мужчинами, считались не только легкомысленными, но и глупыми [Там же. Л. 293]. Средства массовой информации несли в себе четкие культурно-нравственные идеалы, несоответствие которым влекло жесткую критику и осуждение со стороны общественности.

Самоопределение женщинами своей роли в обществе представляется, на наш взгляд, еще одной формой репрезентации, складывающейся под влиянием идеалов, пропагандируемых средствами массовой информации. Мысли, запечатленные в дневниковых записях, тщательно скрываемых от посторонних глаз, позволяют выявить реальный взгляд женщин не только на себя, но и своих современниц. Бинарный образ, представленный в средствах массовой информации, оказывал прямое влияние на идентификацию женщинами своего места в обществе. Диктуемые правила (традиционные и новаторские) разделяли женщин на категории, а несовпадающие точки зрения порождали споры и недопонимания. В первой половине 1950-х годов врач З. С. Седельникова в своем дневнике осуждала единственную роль женщины в семье «как матери», высказанную ее друзьями (как мужчинами, так и женщинами), «доказывая односторонность и несовершенство

такого взгляда». В свои 30 лет она выступала за то, «чтобы женщина была равноценна в общественной жизни, науке» [ГАВО. Ф. Р-6880. Д. 13. Л. 25].

Желание осуждать являлось составляющей частью любого коллектива; с отрицательной стороны коллеги Зинаиды Седельниковой отзывались о некоей Н. И., считая ее «навязчивой к мужчинам» [ГАВО. Ф. Р-6880. Д. 17. Л. 112]. Однако и разведенную 39-летнюю Седельникову беспокоили мысли о том, что «соседка видела, что ко мне приходит мужчина, да и знают его. Но что подумают?» [Там же. Д. 24. Л. 2]. Зависимость от общественного мнения и боязнь быть осужденной постепенно внедрялись в сознание женщин через средства массовой информации, что, безусловно, находило свое место и в повседневной жизни. Многие женщины продолжали удивлять окружающих непристойным поведением, вызывая неодобрение со стороны общественности. Они считались таковыми постольку, поскольку не соответствовали общепринятым нормам или кругу общения. Так, врача Зинаиду Седельникову возмутило поведение гостя на одном из дружеских застолий: «Раиса поразила своей грубостью и легкостью, с которой пила водку, вино, коньяк. Позже пришел Дима, и с ним она говорила развязно и грубо, как с отцом и матерью» [Там же. Д. 35. Л. 64].

Навязанный «сверху» одобренный женский образ должен был регулировать поведение представительниц различных слоев населения. Однако немногие из них стремились к намеченному идеалу и соответствовали нормам. Становясь объектом огласки, сами женщины превращались в инструмент, при помощи которого властным структурам удавалось регламентировать правила поведения.

В данном исследовании была предпринята попытка выявить, наряду с повсеместным, локальный, а также идеальный и реальный образы советских женщин 1950–1960-х годов. Несмотря на либерализацию общественных порядков и трансформацию женского образа, средства массовой информации продолжали направлять и определять не только морально-нравственный, но и внешний облик женщин. Боязнь быть осужденной при стремлении порицать накладывала определенные каноны поведения. Бинарное разделение на запреты и одобрения, образ положительный и отрицательный, выполняли регулирующую функцию, диктуя нормы дозволенного в поведении современной женщины.

Список источников

1. Березина В. Ю. Репрезентация образа советской женщины на страницах журнала «Огонек» в «оттепелый» период СССР // Медиареальность России: вчера, сегодня, завтра / под ред. Е. В. Мартыненко. — М. : РУДН, 2019. — С. 52–61.
2. Глейзер М. Радио и телевидение в СССР: Даты и факты (1917–1963). — М. : [б. и.], 1965. — 230 с.
3. Государственный архив Волгоградской области (ГАВО). — Ф. Р-6174. — Оп. 2 ; Ф. Р-6880. — Оп. 6.
4. Дашкова Т. Любовь и быт в кинолентах 1930 — начала 1950-х годов // Отечественная история. — 2003. — № 6. — С. 59–67.
5. Днепровская А. А. Образ советской труженицы в первое послевоенное десятилетие (по материалам специальных женских изданий) // Вестник Омского университета. — 2011. — № 1. — С. 91–98.
6. Захаров Д. В. Трансформация образа женщины в средствах массовой информации России в 70–90 гг. XX века на примерах журналов: «Работница», «Крестьянка», «Космополитен» : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. — М., 2004. — 28 с.

7. Крестьянка. — 1943. — № 1, 2, 9 ; 1945. — № 2–3 ; 1946. — № 4 ; 1948. — № 2 ; 1949. — № 12 ; 1953. — № 9, 12 ; 1954. — № 3, 6, 9–12 ; 1957. — № 7 ; 1958. — № 3, 7, 12 ; 1959. — № 1, 3–4, 7 ; 1960. — № 2 ; 1964. — № 1–2, 12 ; 1965. — № 1, 3, 9–10 ; 1966. — № 1, 3, 6, 9 ; 1969. — № 4.
8. Мищенко Т. А. Женщины из советских фильмов (по материалам журнала «Советский экран» 1960–1968 гг.) // Вестник Брянского государственного университета. — 2012. — № 2–1. — С. 132–136.
9. Полевые материалы автора. Волгоград. Апрель 2019 г. — февраль 2020 г. (информанты: Л. В., 1936 г. р. ; И. В., 1937 г. р. ; Н. В., 1938 г. р. ; Н. П., 1941 г. р. ; Л. В., 1943 г. р. ; Г. П., 1945 г. р. ; Л. Д., 1948 г. р. ; А. И., 1948 г. р. ; Т. М., 1950 г. р. ; Г. Ю., 1951 г. р. ; Т. А., 1954 г. р. ; Л. В., 1956 г. р. ; Л. М., 1958 г. р. ; С. В., 1960 г. р.).
10. Пушкарева Н. Л. Гендерная система Советской России и судьбы россиянок // Новое литературное обозрение. — 2012. — № 5 (117). — С. 8–23.
11. Пушкарева Н. Л. Интерес к женской и гендерной истории — характерная черта времени // Tractus aevorum: эволюция социокультурных и политических пространств. — 2014. — Т. 1, № 1. — С. 137–139.
12. Работница. — 1953. — № 2, 11 ; 1954. — № 9–10 ; 1955. — № 1–2, 4–5, 7–8 ; 1957. — № 6 ; 1958. — № 2, 7, 11 ; 1959. — № 4, 6 ; 1960. — № 1, 3 ; 1961. — № 3 ; 1963. — № 3, 9 ; 1964. — № 7, 10 ; 1965. — № 1, 3 ; 1967. — № 1, 6–7.
13. Смеюха В. В. Женские журналы СССР в 1945–1991 гг.: типология, проблематика, образная трансформация // Женщина в российском обществе. — 2012. — № 1 (62). — С. 55–67.
14. Советская женщина. — 1951. — № 1–2 ; 1952. — № 3, 5 ; 1956. — № 1, 3, 10, 12 ; 1957. — № 4–5, 8–9 ; 1958. — № 10, 12 ; 1959. — № 4 ; 1961. — № 2–4, 6, 10 ; 1962. — № 2, 4–5, 8 ; 1964. — № 2.
15. Хлызова А. Советская женщина на экране центрального телевидения СССР (1950–1990-е гг.) // Гендер и СМИ. — 2013. — № 6. — С. 70–97.
16. Юрьева Т. Искусство как средство создания образа советской женщины на страницах журнала «Работница» // Гендер и СМИ. — 2015. — № 7. — С. 45–55.

References

1. Berezina V. Ju. The Image of Soviet Women as Represented by the Ogonek Magazine during the Khrushchev Thaw. *Mediareal'nost' Rossii: vchera, segodnja, zavtra* [Media Reality in Russia: Yesterday, Today, Tomorrow]. Martynenko E. V. (ed.). Moscow, People's Friendship University of Russia Publ., 2019, pp. 52–61. (In Russian).
2. Glejzer M. *Radio i televidenie v Soyuze sovetskikh socialisticheskikh respublik: Daty i fakty (1917–1963)* [Radio and Television in the Soviet Union: Dates and Facts (1917–1963)]. Moscow, 1965, 230 p. (In Russian).
3. *Gosudarstvennyj arhiv Volgogradskoj oblasti (GAVO)* [State Archive of the Vologda Region (SAVR)]. F. R-6174, Op. 2 ; F. R-6880, Op. 6. (In Russian).
4. Dashkova T. Love and Life in Soviet Movies of the 1930s — Early 1950s. *Otechestvennaja istorija* [Russian History]. 2003, no. 6, pp. 59–67. (In Russian).
5. Dneprovskaja A. A. The Image of a Soviet Working Woman in the First Post-war Decade (based on female magazines). *Vestnik Omskogo universiteta* [Bulletin of Omsk University]. 2011, no. 1, pp. 91–98. (In Russian).
6. Zaharov D. V. *Transformacija obraza zhenshhiny v sredstvakh massovoj informacii Rossii v 70–90 gody XX veka na primerah zhurnalov: "Rabotnica", "Krest'janka", "Kosmopoliten"* [The Transformation of the Image of a Woman in Russian Media in the 1970s–1990s at the Example of such Magazines as Rabotnitsa (Female Worker), Krestyanka (Female Peasant), Cosmopolitan. Moscow, 2004, 28 p. (In Russian).
7. *Krest'janka* [Female Peasant]. 1943, no. 1, 2, 9 ; 1945, no. 2–3 ; 1946, no. 4 ; 1948, no. 2 ; 1949, no. 12 ; 1953, no. 9, 12 ; 1954, no. 3, 6, 9–12 ; 1957, no. 7 ; 1958, no. 3, 7, 12 ; 1959, no. 1, 3–4, 7 ; 1960, no. 2 ; 1964, no. 1–2, 12 ; 1965, no. 1, 3, 9–10 ; 1966, no. 1, 3, 6, 9 ; 1969, no. 4. (In Russian).
8. Mishhenko T. A. Female Images in Soviet Movies (based on the Soviet Screen magazine, 1960–1968). *Vestnik Brjanskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Bryansk State University]. 2012, no. 2–1, pp. 132–136. (In Russian).
9. *Polevye materialy avtora. Volgograd. April' 2019 g, fevral' 2020 goda* [Questionnaires and Interviews. Volgograd. April 2019. February 2020]. (Interviewees: L. V., born 1936 ; I. V., born 1937 ; N. V., born 1938 ; N. P., born 1941 ; L. V., born 1943 ; G. P., born 1945 ; L. D., born 1948 ; A. I., born 1948 ; T. M., born 1950 ; G. Ju., born 1951 ; T. A., born 1954 ; L. V., born 1956 ; L. M., born 1958 ; S. V., born 1960). (In Russian).
10. Pushkareva N. L. The Gender System in Soviet Russia and the Fates of Russian Women. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Observer]. 2012, no. 5 (117), pp. 8–23. (In Russian).
11. Pushkareva N. L. Concern for Women and Gender History as a Sign of our Time. *Tractus aevorum: jevoljucija sociokul'turnyh i politicheskikh prostranstv* [Tractus aevorum: the Evolution of Sociocultural and Political Environments]. 2014, vol. 1, no. 1, pp. 137–139. (In Russian).
12. *Rabotnica* [Female Worker]. 1953, no. 2, 11 ; 1954, no. 9–10 ; 1955, no. 1–2, 4–5, 7–8 ; 1957, no. 6 ; 1958, no. 2, 7, 11 ; 1959, no. 4, 6 ; 1960, no. 1, 3 ; 1961, no. 3 ; 1963, no. 3, 9 ; 1964, no. 7, 10 ; 1965, no. 1, 3 ; 1967, no. 1, 6–7. (In Russian).
13. Smejuha V. V. Women's Magazines in the Soviet Union in 1945–1991: Types, Problems, Transformation of Images. *Zhenshhina v rossijskom obshchestve* [Women in Russian Society]. 2012, no. 1 (62), pp. 55–67. (In Russian).

14. *Sovetskaja zhenshhina* [Soviet Woman], 1951, no. 1–2 ; 1952, no. 3, 5 ; 1956, no. 1, 3, 10, 12 ; 1957, no. 4–5, 8–9 ; 1958, no. 10, 12 ; 1959, no. 4 ; 1961, no. 2–4, 6, 10 ; 1962, no. 2, 4–5, 8 ; 1964, no. 2. (In Russian).
15. Hlyzova A. Soviet Women on Soviet Television (the 1950s–1990s). *Gender i SMI* [Gender and Media]. 2013, no. 6, pp. 70–97. (In Russian).
16. Jur'eva T. Art as a Means of Creating an Image of a Soviet Woman on the Pages of the Rabotnitsa Magazine (Female Worker). *Gender i SMI* [Gender and Media]. 2015, no. 7, pp. 45–55. (In Russian).

Информация об авторе

Богдашина Ирина Владимировна — аспирант Центра гендерных исследований Института этнологии и антропологии имени Н. Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук.

Сфера научных интересов: гендерная история, история советской повседневности 1950–1960-х годов.

Information about the author

Bogdashina Irina Vladimirovna — Postgraduate of the Centre for Gender Research of the Institute of Ethnology and Anthropology named for N. N. Miklouho-Maclay of the Russian Academy of Sciences.

Research interests: gender history, history of everyday life in the Soviet Union in the 1950s–1960s.

Статья поступила в редакцию 22.12.2020; одобрена после рецензирования 03.02.2021; принята к публикации 05.04.2021.

The article was submitted 22.12.2020; approved after reviewing 03.02.2021; accepted for publication 05.04.2021.